

Маргарита Эмери

Подпочвенные воды

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Э54

Э54 **Эмери М.**
Подпочвенные воды / Маргарита Эмери – М.: Книга по Требованию, 2025. –
155 с.

ISBN 978-5-521-39154-7

ISBN 978-5-521-39154-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Г

Обитель чистоты и невинности.

...Маргарита положила книгу на маленький столикъ, поправила прическу, посмотрѣла себѣ на ноги (въ затруднительныхъ случаяхъ она всегда разглядывала свои ножки, что, впрочемъ, плохо помогало ей разбираться въ мысляхъ—ножки ся были чрезвычайно малы) и принялась раздумывать.

Читая романъ, женщина словно переживаетъ запретныя похощенія, внося этимъ нѣкоторое разнообразіе въ свою повседневную жизнь. Маргарита, хотя и не была еще женщиной, читала очень много, — она скучала. Снизу, изъ большой библіотеки она приносила къ себѣ всевозможныя современныя и старинныя романы, стараясь наполнить поэтичными грезами свою дѣвичью блѣдную и чистую комнату, гдѣ все дышало дѣвственностью, все казалось недолговѣчнымъ и хрупкимъ: занавѣси небснаго цвѣта, обои съ узоромъ изъ маргаритокъ, мебель, крытая бѣлымъ лакомъ, мягкій коверъ со свѣтлыми тѣнями, алебастровыя вазы на каминѣ, масса салфеточекъ, вязаныхъ крючкомъ, похожихъ на паутину, покрытую снѣгомъ.

Отецъ совѣтовалъ ей „извлекать плоды“ изъ чтенія — совѣтъ, достойный „главнаго садовода“. Маргарита старалась слѣдовать ему, читая что ни попало, не обращая вниманія на автора, останавливаясь преимущественно на страницахъ, наполненныхъ разговорами, и серьезно размышляла по поводу прочитаннаго; но она интересовалась только героемъ, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ книги, котораго приводило въ дрожь, словно его кто щипнулъ — одно только модное слово

„флертъ“. И чѣмъ нестроятѣй казалось ей это, тѣмъ охотнѣе отдавалась она своимъ мыслямъ... особенныхъ плодовъ это ей, конечно, не приносило, кромѣ усиленной нервной зѣвоты. Каждый день мечтала она такимъ образомъ по нѣсколько часовъ сряду, старательно выметая за все остальное время пыль и соръ, которые поднимались въ ея воображеніи послѣ того, какъ проносился въ немъ, подобно вихрю, на конѣ или на велосипедѣ влюбленный герой или дерзкій соблазнитель.

Точно также стирала она пыль со всѣхъ изящныхъ вещей въ своей комнатѣ, заботясь о безупречномъ порядкѣ въ своемъ святилищѣ, каждый день мѣняя цвѣты въ вазахъ, каждый вечеръ кончая намѣченную полосу вязанья, которымъ занималась такъ же машинально, какъ плела свою паутину гдѣ-нибудь на хорахъ часовни самка паука съ бѣлыми лапками, неспособная, вѣроятно, пожрать самца, какъ это впрочемъ въ обычаѣ у пауковъ. Все въ комнатѣ Маргариты дышало свѣжестью, все было красиво, опрятно и душисто. Ящики ея шкафовъ похожи были на саше, надушенные ирисомъ, и ея бѣлье, красиво уложенное, занумерованное, вышитое, было все перевязано ленточками. Ленты эти на бѣлоснѣжномъ, тонкомъ батистѣ, голубыя на рубашкахъ, розовыя на панталонахъ, напоминали какіе-то цвинные, первобытные національные флаги.

Закрытая книга, лежащая на бѣломъ лакированномъ столикѣ, выделялась некрасивымъ пятномъ на фонѣ этой изысканно наивной комнаты. Она была въ некрасивомъ картонномъ переплетѣ зеленого цвѣта недостаточно старинномъ, чтобы внушать къ себѣ уваженіе, недостаточно новомъ, чтобы подстрекнуть любопытство добродѣтельныхъ душъ. Больше—написанная грубымъ слогомъ, проникнутая безцеремонной искренностью, она осмѣливалась говорить о чумѣ. О чумѣ? Какъ они далеки теперь, эти великія катастрофы, эти грандіозные подвиги самоотверженія... Епископъ Бельзенскій?..

Въ настоящее время на смѣну ему явилась гниена.

Маргарита, успѣвъ извлечь изъ своего чтенія всевозможные плоды, открыла окно, чтобы изгнать нездоровые призраки...

Она внимательно смотрѣла на сады Флашеры, на свой домъ, утонавшій въ чистой ласкѣ солнечныхъ лучей.

Подъ этими влюбленными лучами юньскаго солнца цвѣли вокругъ самыя рѣдкіе, самыя очаровательныя цвѣты, распустившіяся благодаря искусной культурѣ быстро и правильно, какъ, можетъ быть, нигдѣ въ мірѣ. Широкія сверкающія аллеи разбѣгались въ формѣ звѣзды вдаль отъ формы Флашеры, разливались потоками, наполняя воздухъ благоуханіемъ, цѣлыми волнами разнообразныхъ запаховъ, расходились кругами, все болѣе и болѣе расширявшимися, все съ болѣе живыми и острыми ароматами. Самый дождь изящной постройки въ голландскомъ вкусѣ, деревянный, сѣраго цвѣта, украшенный бѣлой рѣзбой, похожей на сосновыя кружева, составлялъ центръ этого цвѣтущаго колеса, изъ котораго вырывались снопы и лучи цвѣтовъ, розъ, лилій, гіацинтовъ, фіалокъ, левкоевъ. Особенно очаровательно, особенно соблазнительно благоухали левкои. Въ ихъ тяжеломъ, можетъ быть пѣсколко грубомъ ароматѣ чувствовалась ваниль, перецъ, гвоздика, мускусъ и дыханье богатыхъ женщинъ, толпящихся въ дни парадныхъ спектаклей.

Маргарита, опершись на подоконникъ, сжала руки въ невольномъ экстазѣ, охваченная внезапнымъ порывомъ всего своего существа къ природѣ, чаровницѣ природѣ, блистающей цвѣтами для одного только своего удовольствія. Восторгъ неожиданно и страстно наполнилъ ея душу, когда она, оторвавшись отъ тошнотворной книги, отъ кошмара, увидѣла такое лазурное небо, такую яркую зелень, такой безукоризненно чистый дворъ формы. Да, исторіи прошлаго хороши были лишь потому, что рельефнѣй отбѣняли дѣйствительность. Современному человѣку необходимо смотрѣть на жизнь съ иной, не кладбищенской точки зрѣнія. Вокругъ большихъ городовъ не пучки развѣ большіе сады, гдѣ могли бы люди работать на воздухѣ, почерпая въ этой работѣ новый запасъ здоровья и нравственной силы, возрождаясь духомъ при воздѣлываніи почвы?... И во дворѣ направо горло водоканалки блистало какъ золотое, а направо бѣлая голубятня любимцевъ Маргариты, усыпанная серебристымъ пескомъ... Хлѣва, гумна — по вой системы, съ разборными срубамъ — маленькія помѣщенія для рабочихъ, устроенныя въ видѣ ячеекъ улья, — все дышало миромъ, тѣмъ торжественнымъ спокойствіемъ, какое доставляетъ честнымъ и законнымъ образомъ нажитое богатство. Всюду царствовалъ безукоризненно красивый порядокъ и благоустрой-

ство. И сама Маргарита была красавица, прелестіе всѣхъ прелестей, ее окружавшихъ. Цвѣтокъ, взлѣлянный среди цвѣтовъ, бѣлое видѣніе съ бѣлыми прекрасными руками, открытыми до локтя, въ короткихъ рукавахъ бѣлаго дѣвственнаго корсажа, маленькими удлинненными пальцами, слегка розовѣвшими подъ ногтями, словно края лепестковъ розы, тронутые лучами свѣта. Ея свѣтлокаштановые волосы, высоко и пышно уложенные на вискахъ, легкіе и блестящіе, поддерживались маленькими черепаховыми рѣзными гребеночками, выдѣлявшимися свѣтлыми бликами на болѣе темныхъ прядяхъ, богатыми бликами, потому что она была причесана роскошно, какъ оно и подобаетъ дочери богатаго отца... Прическа доставляла ей немало хлопотъ; главный сторожъ далеко не съ такимъ стараніемъ вычищаль скребкомъ дорожки къ пріѣзду министра, съ какимъ она боролась со знаменитыми непокорными прядями, о которыхъ такъ красиво пишутъ въ книгахъ и которые оказываются такими досадными въ жизни. У Маргариты были голубые глаза, того прекраснаго темноголубого цвѣта, который напоминаетъ вечернее небо, глаза всегда влажные безъ причины, похожіе на вѣнчики ночныхъ красавицъ, полные влаги въ минуту расцвѣта. Она была нѣсколько блѣдна, хотя достаточно крѣпка на видъ; дѣвушки, нетерпѣливо ожидающіе мужа, всегда блѣднѣютъ отъ ожиданія. Зубы у нея были ослѣпительной бѣлизны, и ея блѣднорозовыя губки сжимались время-отъ-времени, словно подавляя улыбку. Разсудительная Маргарита намѣревалась серьезно относиться къ глубокимъ тайнамъ открывавшейся передъ нею жизни. Она также прекрасно знала цѣну осмотрительному обращенію съ природной красотой. Всегда можно увеличить врожденную прелесть, сохраняя неприкосновенность линий. Линіи, манера держаться—въ этомъ все: никогда не слѣдуетъ допускать лишняго цвѣтка, лишней улыбки. Излишнія бездѣлушки, несвоевременная веселость—все это нарушаетъ очарованіе. Женщина должна обладать извѣстной выдержкой. Садовникъ, прививающій молодыя деревья, также долженъ придерживатся извѣстной методы.

О, розы фермы Флашеры! Очарованіе и прелесть! Съ высоты своего окна Маргарита одобрительно привѣтствовала ихъ съ самымъ серьезнымъ видомъ: бываютъ минуты, когда душа сливается съ природой, чувствуетъ себя ея любимымъ творе-

ніемъ, оя царницей; довольно для этого быть здоровой, обладать чистой совѣстью и надеждой на большое приданое.

Коллекція флаперскихъ розъ была единственной въ цѣломъ мірѣ. Каждый розовый кустъ снабженъ былъ особой деревянной подпорой, пропитанной сѣрнокислой солью, защищавшей его отъ насѣкомыхъ, запереванъ, снабженъ дощечкой съ названіемъ. Со всевозможной предусмотрительностью устранялась всякая попытка кустовъ неправильно разрастаться по собственной прихоти и терять соки, въ особенности въ бракахъ по склонности. Слава Богу, розовые кусты росли прямо и стройно, гордясь своими причудливыми именами, округляясь словно колоссальные кочни капусты; каждое утро ихъ подрѣзали и подчищали. Въ зеленыхъ кочняхъ выступали остроконечные бутоны, словно иглы на клубкѣ, потомъ одна за одной распускались розы, похожія на тапцовщицъ, расправляющихъ свои газовыя юбочки подъ хладнокровнымъ наблюденіемъ режиссера.

Половина всей большой и круглой отведенной подъ цвѣты площади занята была розами. Ихъ насчитывалось до пяти-сотъ сорока двухъ разновидностей, начиная съ шиповника со скромно-блѣдной серединкой, похожей на щеки Маргариты, до китайскаго принца Ли-Пе-хо, послѣдней разновидности желтыхъ, испещренныхъ коричневымъ розъ, похожихъ на безвкусныя пестрыя помпоны, употреблявшіеся нѣкогда для украшенія церквей.

„О чемъ могутъ думать цвѣты?“ — размышляла Маргарита.

„О чемъ мечтаютъ женщины?“ — казалось, спрашивали розы...

Маргарита и цвѣты, которые въ своей кажущейся задумчивости не размышляли, въ сущности, ни о чемъ, отдавали наступающему вечеру лучшую часть своего существа — свою красоту, свой ароматъ — только потому, что онъ наступалъ... вечеръ, полный тайны.

Спускались сумерки, измѣнчивыя и тихія, окутывая цвѣты, кусты и деревья легкимъ покровомъ, раздѣлявшимъ ихъ другъ отъ друга, придавая имъ видъ драгоценныхъ предметовъ, которые заботливо укрываютъ и прячутъ съ наступленіемъ опасной минуты.

Отдаленный колоколь, пріютившійся на холмѣ, словно на

этажеркѣ, похожій на игрушку, пробилъ семь серебристыхъ ударовъ какимъ-то дѣтскимъ звукомъ.

Маргарита повернулась въ ту сторону. Она не была особенно вѣрующей. Она старалась, согласно новымъ вѣяніямъ, быть вполне выдержанной молодой дѣвушкой, благословенной золотой серединой, не слишкомъ чувкомъ, но и не наивной институткой; она страшилась соединить пріятное съ полезнымъ: играла на рояли настолько, чтобы никому не докучать разучиваніемъ черезчуръ трудныхъ вещей, ходила время-отъ-времени въ церковь въ дни большихъ праздниковъ, подавая примѣръ отсталымъ слугамъ. Когда смутныя религіозныя сомнѣнія тревожили ее душу, она разсматривала эту колокольную и находила ее маленькой, незначительной въ сравненіи съ громадностью и величіемъ окружавшей ее природы, въ сравненіи съ обширными амбарами, огромными желѣзными помѣщеніями съ разборными срубами, гдѣ хранились на фермѣ солома и сѣно,—символами прогресса.

Среди розъ, уходя безконечно въ просторъ полей, надъ которыми уже поднимался туманъ, раздавался шорохъ, видно было неслухое движеніе головъ, клонившихся ко сну, потому что они устали держаться прямо за день. Очертанія цвѣтовъ становились все болѣе и болѣе смутными, однѣ бѣлыя шпалеры розъ были видны, прорѣзая сумракъ свѣтлыми полосами; затѣмъ всѣ оттѣнки слились въ одинъ полутраурный—лиловый, на которомъ болѣе крупныя предметы выступали черными пятнами.

Одно лишь небо еще свѣтлѣло, словно опрокинутое на темные холмы, принимая оттѣнокъ розоватаго хрустала, прозрачнаго и хрупкаго, словно крышка на стеклянномъ сосудѣ фокусника, подъ которой вотъ-вотъ обрисуется новый видъ. Сейчасъ подъ лучами заходящаго солнца это была веселая картина представленія въ циркѣ въ полномъ разгарѣ: мѣста, полныя посѣтителей, и паѣздницы на быстрыхъ лошадяхъ, развѣвajúя разноцвѣтными блестящими шарфами; теперь съ середины этой арены, мгновенно опустѣвшей вмѣстѣ съ исчезающими лучами солнца, поднимались очертанія деревьевъ и растений причудливыхъ, ужасныхъ формъ.

Поднялся вѣтеръ, зашелестѣвшій въ листьѣ, наклонявшій вѣтви деревьевъ, словно крадущійся по слѣдамъ добычи звѣрь. Слышенъ былъ шумъ бѣгущей рѣки и ручьевъ, сливавшихся въ эту рѣку.

Шумъ воды всегда производитъ гнетущее впечатлѣніе вечеромъ.

Безъ сомнѣнія, вода была всюду: подъ кустарниками розъ, подъ огородами, въ поляхъ и за рядами тополей, окаймлявшихъ на востокъ большія, принадлежавшія государству имѣнія Флашеры. Тамъ и здѣсь въ просвѣтахъ между деревьями вспыхивали огни. По ту сторону рѣки раскинулась деревня во всю свою длину, сумрачная, бѣловатая, словно кусокъ полотна, словно саванъ, сушившійся у воды, черной, какъ пропасть.

Розоватое небо стало мѣстами зеленымъ, словно отражая неизмѣримыя поля свекловицы съ блѣдно-зеленой листвою, окружавшія сады. Напротивъ маленькой игрушечной колокольни роща, дѣлившаяся на двѣ части подъ прямымъ угломъ—никакимъ пожомъ нельзя было бы лучше разрѣзать блюдо вареной зелени—стала совсѣмъ темнокоричневою, густого, словно сажка, цвѣта, и при усилившемся шумѣ вѣтра казалось, что изъ нея именно подвигается темная ночь. Небо совершенно потухло, накрытое облакомъ, словно поднявшимся изъ гущи лѣса. Между водой, незамѣтной глазу, но не перестававшей шумѣть, и рощей, которая слылась съ небомъ плотной стѣною, ферма Флашеры казалась совсѣмъ придавленной, словно ее сразило несчастье, маленький домикъ, одинокій въ центрѣ громаднаго круга, уходившаго въ безконечность,—печальнымъ, измученнымъ, словно утопающій.

Маргарита закрыла окно.

Наступалъ часъ обѣда, благословенный часъ для людей счастливыхъ, проклятый часъ для остальныхъ. Маргарита спустилась въ библіотеку. Привыкшая къ порядку, она отнесла на мѣсто книгу, зѣвая по дорогѣ. Только и осталось отъ всѣхъ диковинныхъ приключеній романа!..

И такъ какъ минута восторга и порыва уже прошла, Маргарита опять принялась скучать, пѣсколько нервная, но разсудительная. Она прошла черезъ библіотеку, парадную и торжественную, словно монастырская зала. Въ этой комнатѣ, устроенной со всевозможнымъ комфортомъ, архитекторъ добился постоянной безусловной тишины, приказавъ замазывать свинцомъ вмѣсто мастики всѣ отверстія между стеклами и рамами оконъ. Лампа съ рожеккомъ—имитация античной масляной лампы римскихъ могилъ (Рах!) разливала вокругъ тусклый похоронный свѣтъ, медленно угасая безъ дыма и копоти,

Столовая казалась болѣе привлекательной, выстланная выпуклыми узорчатыми плитами, украшенная пано съ изображеніемъ четырехъ временъ года. Маленькіе скромные фавны, рѣзвыя пастушки, рябчики, висѣвшіе на гвоздѣ, арбузы на драгоценномъ блюдѣ, рыбы, утопавшія въ глянецъ фарфора, а также масса цвѣтовъ, сыпавшихся изъ корзинъ, могли-бы пристыдить своими кричащими цвѣтами настоящіе сады Флашеры. Въ бретонской часовой башенкѣ висѣли парижскіе часы, въ углу стояла скамейка въ видѣ квашни въ стилѣ Генриха II; у стола и стѣнъ мягкіе стулья на трехъ ножкахъ въ видѣ высокой спарки блестѣли такимъ зеленымъ глянцомъ, что въ парусиновыхъ панталонахъ страшно было бы сѣсть на нихъ. Четырехугольный столъ сіялъ роскошной и тяжелой серебряной сервировкой: чашами, бокалами въ видѣ дароносицъ, украшенными негранеными драгоценными камнями, шероховатыми и неизящными стеклянными кубками, напыщенными, манерными, большими, плоскими англійскими тарелками, слишкомъ большими и слишкомъ плоскими—словомъ, тутъ царствовало смѣшеніе стилей всѣхъ вѣковъ, согласно требованіямъ современной моды. Всю эту роскошь освѣщала висячая электрическая лампа съ рефлекторомъ въ видѣ тюльпана сбоку. Онъ положительно ослѣплялъ—этотъ свѣтъ, предназначенный исключительно для глазъ богачей, которые достаточно уже видѣли и не боятся быть ослѣпленными. Когда лампу гасили, на мѣсто ея резервуара въ кронштейнъ вставляли вазу съ ползучими растеніями, которыя свѣшивались внизъ.

Отецъ Маргариты сидѣлъ уже передъ своимъ приборомъ.

— Кто запоздалъ?—спросилъ онъ и ласково подмигнулъ ей, прикрѣпляя салфетку къ петлицѣ сюртука шпилькой отъ своей розетки почетнаго легіона.

— Марго, Марго виновата!—отвѣтила молодая дѣвушка, сядя въ противъ него и стараясь въ свою очередь развернуть на колѣняхъ салфетку, жесткую какъ кожа.

— А чѣмъ была занята Марго?

— Она мечтала у окошка, любуясь чуднымъ вечеромъ.

И молодая дѣвушка вздохнула, смѣясь въ душѣ надъ собою: не то озабоченная, не то нѣсколько нервно настроенная, она тѣмъ не менѣе съ любопытствомъ открыла глубокій салатникъ съ десертомъ, который подавался у нихъ по-русски.

— Уфъ! пломбиръ изъ земляники, когда уже есть вишни!

— Вишни? Можетъ быть на парижскомъ рынкѣ, а здѣсь папа „Прекрасная Евгения“ еще не вполне дозрѣла. Въ этомъ году все запоздало.

— Если поискать хорошенько...

— Уже искали и въ сѣверныхъ, и въ южныхъ питомникахъ. Можетъ быть нѣкоторыя созрѣли въ новой галлерей, возлѣ новыхъ трубъ. Тамъ (онъ поднялъ палецъ съ важной миной) мы устроили настоящія чудеса: тамъ согрѣваются самыя корни деревьевъ; вода теплая, жирная и мягкая, теченіе превосходное и ровное... Ахъ, какъ жаль, что эти самыя воды не поливаютъ наши земли и свѣрху!

Маргарита сдѣлала гримаску.

— Ну, ты знаешь, я не гонюсь за этимъ.

Она подумала съ минутку, глотая свой супъ.

— А когда вишни созрѣютъ, никто на нихъ и глядѣть не захочетъ! Ихъ повыбросятъ въ кухню,—пробормотала она недовольная.

Въ это время горничная принесла чудеснаго жаренаго цыпленка. Горничная напоминала картинку Ватто въ своемъ розовомъ батистовомъ платьѣ, въ передникѣ съ фестономъ и тюлевой наколкѣ на кудрявыхъ волосахъ.

Отецъ разрѣзалъ цыпленка съ жестами фехтовальнаго учителя: всегда въ такихъ случаяхъ въ мужчинѣ просыпается инстинктивно нѣкоторая жестокость. Отдѣливъ грудку, онъ сейчасъ-же положилъ ее на тарелку дочери.

— Это—Марго. Пусть она кушаетъ цыпленка въ ожиданіи лучшаго и зальетъ его моимъ старымъ бургундскимъ, разъ она забыла про свое желѣзо, залюбовалась садомъ. Никогда Марго не наживетъ себѣ румянца, если не будетъ заботиться о своемъ здоровьи.

— Румянецъ! Ты знаешь, я не гонюсь за этимъ,—отвѣтила она совершенно тѣмъ-же тономъ, въ какомъ возразила ему только-что относительно различныхъ качествъ подпочвенныхъ водъ.

— Растратеннаго здоровья уже не вернуть... Твоя мать также не гналась въ свое время за румянцемъ, да такъ и увяла незамѣтно, понемногу, измучивъ въ конецъ всѣхъ окружающихъ своими вѣчными жалобами. Лучшій принципъ—заботиться о себѣ тогда, когда человѣкъ еще совершенно здо-

ровъ. (И, помолчавъ, онъ добавилъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ). Въ сущности, тебѣ не слѣдуетъ дышать особенно много вечернимъ воздухомъ: вѣдь то, что полезно для нашихъ цвѣтовъ... (онъ остановился и внимательно осмотрѣлъ рукоять своего ножа), я не говорю, что это вредно для людей, но...

Маргарита высасывала мясо цыпленка—она уже не была больше голодна и, прищуриваясь, посматривала на десертъ—на прекрасно поджаренныя, легкія какъ пухъ пышки золотистаго цвѣта и пломбиръ съ земляничкой, колоссальными красными ягодами почти ужасающей величины.

— Все это хорошо,—сказала она, словно по желая поддаться ихъ соблазнительному аромату,—но мнѣ хочется вишенъ, вотъ и все.

— Далеко идти за ними. Отчего ты не подумала объ этомъ утромъ, дурочка?

— Ну, долго-ли сбѣгать!..

— Я не люблю давать людямъ ключи послѣ того, какъ кончаются дневныя работы. Всегда кто-нибудь шатается по аллеямъ; потомъ забираются въ парники подъ предлогомъ осмотрѣть трубы и таскаютъ фрукты. Матвѣй увѣряетъ, что у насъ поворовали массу зеленыхъ абрикосовъ! Ну, скажите, пожалуйста, на что имъ сырые абрикосы?

— Ихъ продаютъ и приготавливаютъ изъ нихъ сливы въ спиртѣ.

— Ну да, какъ-же! Все это таскаютъ просто по злобѣ — у этого народа страсть все разрушать и портить. Я ужъ и не говорю о томъ, какъ мало стѣсняются наши рабочіе. Имъ мало того, что имъ даютъ въ свое время; имъ хочется получать самыя свѣжія новинки, какъ и намъ. А въ этомъ году ихъ воровство приносило двойной убытокъ, потому что во Флашерѣ и такъ все запоздало.

Маргарита настанвала.

— И все-таки можно было-бы посмотрѣть вишневая деревня въ новой галлерей. Это вовсе не такъ далеко.

— Боже мой, если тебѣ такъ хочется вишенъ, пойдѣ туда вечеромъ сама. Только, пожалуйста, не бери съ собой никого; прислуга рада всякому случаю стащить что-нибудь!

Такъ какъ онъ кончалъ крылышко цыпленка, горничная подавала сочные зеленые артишоки. Онъ поподчивалъ ими Мар-